

Тихомиров Лев Александрович

**Демократия либеральная и
социальная**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Александрович Т.**
Демократия либеральная и социальная / Тихомиров Лев Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 193 с.

ISBN 978-5-519-76846-7

ISBN 978-5-519-76846-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книжкѣ, подъ общимъ названіемъ «Демократія либеральная и соціальная» я соединяю три статьи, опубликованныя въ разное время, но взаимно одна другую дополняющія. Первая, «Соціальные миражи», напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* въ 1891 г., № 7; она обрисовываетъ эволюцію демократической идеи, уже создавшей современныя парламентарныя государства, и выдвинувшей еще неосуществленные идеалы соціалистическаго характера. Вторая статья, «Панама и парламентаризмъ», ранѣе печатавшаяся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1892 г. №№ 351, 354 и 359 и 1893 г. №№ 9 и 12), даетъ небольшой образчикъ самой практики либеральнаго демократизма. Третья статья, «Коммунизмъ и партикуляризмъ», дополняетъ разсужденія первой о соціальномъ демократизмѣ. Она печаталась въ *Русскомъ Обозрѣніи* (1892 г., июль),

Выпуская теперь этотъ сборникъ, должно сказать нѣсколько словъ о томъ противорѣчій,

въ которомъ иногда находятся высказываемыя мною мысли съ воззрѣніями юристовъ-государственниковъ.

Я обрисовываю, какъ *соціальные миражи* то, что въ курсахъ государственнаго права, считается верхомъ современнаго государственнаго прогресса. То самое явленіе, которое большинству практическихъ наблюдателей ясно представляется какъ *демократическій парламентаризмъ*, какъ правленіе *представительной демократіи*, разсматривается юристами какъ *конституціонная монархія или конституціонная республика*. Это не одна разница въ названіяхъ, а разница въ пониманіи самого смысла и содержанія современной политической эволюціи. Въ классическомъ трудѣ Блюмчи (*Общее Государственное Право*) выражается увѣренность, что «теперь снова получаетъ всеобщее признаніе античная государственная идея... Государство снова становится народнымъ, но въ болѣе благородныхъ формахъ, нежели въ древности. Средневѣковое сословное устройство служить преддверіемъ *новаго представительнаго государства*, въ которомъ весь народъ представляетъ себя въ *лучшихъ и благороднѣйшихъ своихъ членахъ*».

Достаточно этихъ послѣднихъ словъ, чтобы, при всемъ уваженіи къ уму и учености столпа

современнаго государственнаго права,—видѣть, что онъ разсуждаетъ чисто кабинетнымъ способомъ. Даже и политиканы ему кажутся «лучшими и благороднѣйшими членами» народа. Это для всякаго практическаго наблюдателя звучить просто оскорбительной насмѣшкой надъ несчастными народами. Только чистой теоретичностью объяснимы также опредѣленія Блюнчли, будто бы «конституціонная монархія заключаетъ въ себѣ всѣ другія государственныя формы», т.-е. соединяетъ лучшія стороны монархіи, аристократіи и демократіи, въ гармоническомъ единеніи. Таковы, однако, господствующія нынѣ ученія государственнаго права. Нашъ Чичеринъ точно также повторяетъ, будто бы «ограниченная монархія представляетъ сочетаніе монархическаго начала съ аристократическимъ и демократическимъ. Въ этой политической формѣ выражается полнота развитія всѣхъ элементовъ государства и гармоническое ихъ сочетаніе» (*Основы Госуд. Науки*). «Идея государства здѣсь (будто бы) достигаетъ высшаго развитія» (id). Понятіе о сложной Верховной Власти, о томъ что, субъектомъ Верховной Власти можетъ быть цѣлая система учреждений,—путаетъ взгляды умнѣйшихъ современныхъ государственниковъ. Къ сожалѣнію такое воззрѣніе на парламентаризмъ

становится уже прямо школьнымъ. «Въ государствѣ *старого* порядка, учать насъ нынѣ даже монархисты, типомъ котораго можетъ служить французская монархія XVIII вѣка, вся полнота верховной власти сосредоточивалась въ одномъ лицѣ, и эта власть была потому личной и *надзаконной*. Современное же государство такой власти не знаетъ и распределяетъ основныя функціи государственной власти между *нѣсколькими* органами, изъ которыхъ поэтому ни одинъ не обладаетъ неограниченной властью» (*Госуд. Право* проф. Алексѣева). Этотъ эпитетъ «*современное*» eo ipso дѣлается для юристовъ синонимомъ «наиболѣе совершеннаго», «высшей ступеню развитія» и т. п. Совершенно понятно далѣе, что достиженіе этой «высшей ступени» дѣлается со стороны учениковъ предметомъ практическихъ стремленій, которымъ академическая наука даетъ свою санкцію и поддержку.

Безъ сомнѣнія такія практическія стремленія были бы вполне основательны, если бы академическая наука была права въ своемъ пониманіи современной политической эволюціи. Къ сожалѣнію,—ея анализъ, какъ и ея обобщенія, а потому и цѣли, указываемыя ею,—несомнѣнно совершенно ошибочны. Я осмѣливаюсь утверждать, что смыслъ современной политической

эволюціи состоитъ не въ выработкѣ *смѣшанной* формы верховной власти (задача, полагаю, и по существу абсурдная), а въ замѣнѣ монархическаго принципа демократическимъ, самодержавія единоличнаго *самодержавіемъ народа*. Осмѣливаюсь думать, что представители государственной науки очень плохо оцѣниваютъ гениальную проницательность Ж. Ж. Руссо, которому всѣ его парадоксы и софизмы не мѣшаютъ быть истиннымъ представителемъ политическихъ стремленій XVIII и XIX вѣковъ. То что представителямъ государственнаго права XIX вѣка кажется стремленіемъ къ *сочетанію* монархическаго принципа съ аристократическимъ и демократическимъ, есть въ дѣйствительности постепенное уничтоженіе первыхъ двухъ въ пользу послѣдняго. Только *книжность* изученія позволяетъ ученымъ не видѣть, что столь восхваляемые ими «гармоническія сочетанія» суть не болѣе какъ минутные компромиссы между постепенно слабѣющими, но еще живыми «старыми» принципами и торжествующимъ «новымъ». Не думаю, чтобы хотя одинъ *практическій* политикъ нашего времени сомнѣвался, что Европа идетъ именно къ полному торжеству *демократіи*. Кое-гдѣ эти «гармоническія сочетанія» уже кончились упраздненіемъ мо-

нархїи и аристократїи, кое-гдѣ (какъ въ Англіи) еще только клонятся къ этому. Но общая тенденція эволюціи совершенно ясна и нынѣ для всякаго, кто наблюдаетъ *факты*, а не сочиняетъ кабинетныя теорїи.

Эти факты, къ сожалѣнію, гораздо менѣе утѣшительны, нежели кабинетныя теорїи «гармоническихъ сочетаній». Далеко не возрожденіе античныхъ государственныхъ идей имѣемъ мы въ томъ, что наука указываетъ намъ въ «современныхъ» идеалахъ. Дѣйствительность современной эволюціи представляетъ *больную мечту*, стремленіе къ *химерѣ*, погоню за *соціальными миражами*. Не къ созданію «высшихъ» формъ государственности идетъ она, а къ истощенію государственной идеи, къ постепенному разложенію всякаго разумно организованнаго государства, съ окончаніемъ его либо въ анархіи, либо въ деспотическомъ социализмѣ. Настоящая *идея* современной эволюціи именно въ *этомъ*.

Я обрисовываю ее кратко, безъ сомнѣній, даже слишкомъ кратко... Но то, что я обрисовываю, во всякомъ случаѣ есть плодъ наблюденія самой эволюціи, какова она есть, а не натягиваніе на факты какихъ-либо собственныхъ желаній.

Что касается этихъ послѣднихъ, т.-е. жела-

ній, они у меня, быть можетъ, не далеки отъ тѣхъ, которыя подсказываютъ «государственникамъ» ихъ иллюзіи. Правильное и гармоническое сочетаніе въ государствѣ основныхъ элементовъ власти безъ сомнѣнія составляетъ залогъ полноты жизни государства. Но дѣло въ томъ, что наше время именно менѣе всего думаетъ о такомъ сочетаніи. Сверхъ того, позволю себѣ остаться при убѣжденіи, что сочетаніе монархическаго, аристократическаго и демократическаго элементовъ никакъ не можетъ быть производимо собственно въ *Верховной Власти*, которая по существу можетъ быть только едина и нераздѣльна. Это сочетаніе возможно лишь въ организаціи *управленія*, а потому наиболѣе достижимо, полагаю, именно при *неограниченной* монархіи, какъ такой формѣ верховной власти, которая допускаетъ наиболѣе спокойное исканіе *общественнаго* блага, при наибольшей свободѣ отъ эгоистическихъ стремленій тѣхъ или иныхъ классовъ народа.

Л. Тихомировъ.

Соціальные миражи современности.

I.

„Новая эра“. Мечтательное единение разума и прогресса въ XVIII в.—Разрушение мечты въ XIX в.—Демократизмъ либеральный. Демократизмъ соціальный. Анархизмъ.

Въ концѣ XVIII вѣка передовые представители соціальной мысли сознавали себя предъ нѣкоторою «новою эрой», которая хоронила всѣ старыя «предразсудки» и впервые ставила человѣчество на настоящую дорогу, «разумную» и вмѣстѣ также «естественную». Эти два понятія сливались въ чемъ-то несказанно сильнымъ и великомъ. Горделивое чувство радости наполняло тогда сердца людей передъ тѣмъ, что казалось великимъ, еще небывалымъ откровеніемъ разума. «Мой милый, милый, батюшка, пишетъ тогда Камилль Дюмуленъ отцу, вы не можете составить себѣ даже представленія о той радости, которою наполняетъ меня наше возрожденіе». — «Какъ я благодарю

небо, восклицаетъ онъ,—за то, что родился въ концѣ этого вѣка!» * Таково было общее чувство. «Все говоритъ намъ», пишетъ Кондорсе, «что мы вступаемъ въ эпоху одной изъ величайшихъ революцій рода человѣческаго... Современное состояніе просвѣщенія гарантируетъ намъ ея счастливый исходъ» **. Да и какъ было думать иначе? Люди увѣрились не только въ томъ, что «совершенствованіе человѣка безконечно (indefinie)», но что «движеніе этого совершенствованія отнынѣ не зависитъ уже ни отъ какой силы, которая вздумала бы его остановить, и не имѣетъ другаго конца, кромѣ конца существованія земнаго шара». «Природа, говоритъ философъ революціи, неразрывно соединила прогрессъ просвѣщенія съ прогрессомъ свободы, добродѣтели, уваженія къ *естественнымъ правамъ* человѣка»; эти «единственно реальные блага», въ прошломъ разъединяемыя «предразсудками», становятся неразрывно связанными съ момента, какъ просвѣщеніе достигло извѣстной степени развитія. Блаженный моментъ наступилъ и кладетъ начало новой эрѣ. «Это объединеніе уже совершилось въ цѣломъ клас-

* *La France libre.*

** *Progrès de l'esprit humain.* Вступленіе.